

Об образовании фразематических единиц русского языка путём контаминации

Постперестроечный период в истории России характеризуется разного вида общественно-политическими преобразованиями, которых результатом становятся изменения в современном русском языке. Интересно, что их можно заметить также в сфере паремиологии.

Известно, что пословицы как языковые элементы культуры являются поставщиком информации об обычаях и навыках общества. Следует однако помнить, что далеко не все, распространяемые пословицами, ценности являются сегодня актуальными и трудно относить их к жизни в период общественных и культурных перемен, которым подвергаются прежде всего правила человеческого поведения и требования человека. Динамика современной жизни имеет своё отражение в каждой сфере языка, в результате чего модификациям подвергаются также паремиологические единицы.

Результатом этого процесса являются модифицированные формации, которые возникают на базе старых, общеизвестных паремий и определяются как *анти-, квази-, неопословицы* или – ещё образнее – „пословицы, которые сошли с рельсов”. Такая „переработка” пословиц особенно часто встречается в языке средств массовой информации и в разговорной речи, хотя за последние 10-15 лет этот процесс, как кажется, интенсифицируется. Такого вида трансформация пословиц имеет цель увеличить их экспрессивный потенциал, а также заинтересовать читателей. См. например конструкции: *Работа не волк – из Думы не убежит* (вместо: *в лес не убежит*); *Баба с возу – вузу легче* (вместо: *кобыле легче*).

Трансформированная таким образом пословица утрачивает свой общий смысл и функционирует только в определённой языковой ситуации, т. е. утрачивает характер „узаконенной мудрости”.

Как уже упоминалось выше, как классические, так и модифицированные пословицы наблюдаются в последнее время в языке средств массовой информации – особенно прессы. Можно полагать, что одной из причин такой

ситуации является своего рода „перестройка” *языкового вкуса эпохи*¹, а также новая роль читателя, который принимает активное участие в процессе расшифровки смысла высказывания. Как замечает Елена Селивёрстова, учитывая требования публицистического текста, пословица изменяет свои параметры, т.е. форму, семантику и даже прагматику (см.: Селиверстова 2002: 324). Этот факт подчёркивает также Антонина Михайловна Григораш, которая пишет:

Журналисты в целях усиления как выразительности своих газетных материалов, так и воздействия на читателей привлекают все разновидности фразеологизмов, подвергая их различным преобразованиям как со стороны формы, так и со стороны содержания (Григораш 2002: 126).

Стоит заметить, что среди преобразований паремиологических и фразеологических единиц совершенно часто встречаются контаминированные структуры, образованные на основе двух (или больше) фразеологических (т.е. как паремиологических, так и фразеологических) единиц, например:

Чем дальше в лес, тем твоя рубашка ближе к телу (сочетание: Чем дальше в лес, тем больше дров + своя рубашка ближе к телу)

Что с возу упало, то не вырубишь и топором, (сочетание: Что с возу упало, то пропало + Что написано пером, то не вырубишь и топором)

Не говори гоп, коли рожа крива; (сочетание: Не говори гоп, пока не перепрыгнешь + Нечего на зеркало пенять, коль рожа крива)

Один в поле – хуже татарина (сочетание: Один в поле – не воин + Незванный гость хуже татарина)

Роль второго из компонентов может выполнять крылатое слово из фильма или рекламы, например:

Щи да каша – сладкая парочка; (сочетание: Щи да каша – пицца наша + выражение *сладкая парочка* – из рекламы батончиков *Tweaks*).

Такая формация является как будто вдвойне контаминированной, т. е. с точки зрения содержания (контаминация содержания двух единиц) и с точки зрения типа её составных (например, пословица + пословица, пословица + крылатое слово).

Как замечает Анна Грашек-Таньска,

¹ Под таким заглавием (*Языковой вкус эпохи*) В. Г. Костомаров опубликовал в 1999 году свою монографию, описывающую проблемы современного русского языка конца XX столетия.

слова, возникшие методом контаминации, отличаются на фоне обычных своей нестандартностью, реализуя тем самым замысел журналиста – передать многоплановую информацию, избегая языковых штампов (Грашек-Таньска 2003: 73).

То же самое касается фразематических единиц.

Наталия Ивановна Токко и Яна Грицкевич однако подчёркивают, что контаминированные структуры не являются ничем новым и встречались в русском языке и раньше. Но исследователи согласны, что сегодня это явление подвергается особенной интенсификации, что и является причиной лингвистических исследований в этой области (см.: Токко, Грицкевич 2006).

Контаминация фразеологических единиц – как справедливо замечает Виктория Константиновна Приходько – представляет собой

прием окказионального преобразования ФЕ (фразеологических единиц – К. Д.), который заключается в неожиданном, оригинальном объединении или слиянии двух или более ФЕ, это определенный способ языковой игры, при котором учитывается звуковая форма объединяемых компонентов, их аллюзивность, ассоциативность, коннотативные возможности (Приходько 2006: 134).

Токко и Грицкевич с игрой связывают и антипословицы, называя их минипародией, имеющей

травестийный характер, основной целью которой является шутовское, иронизирующее рассмотрение определенных ситуаций (Токко, Грицкевич 2006).

Также Елена Николаева утверждает, что такие трансформы служат пародийным противовесом традиционным паремиям, представляя мир „вверх ногами” – шутовской, провокационно-цинический. По Николаевой, причина их возникновения связана с разочарованием состоянием государства, жизненными условиями и перспективами. Поэтому Николаева определяет такие трансформы как проявление „бунта здоровых творческих сил” (см.: Николаева 2002: 162-163).

Наталия Николаевна Фёдорова, занимающаяся исследованием контаминаций, которых элементами являются одни паремии, характеризует их зато как

объединение частей двух паремий, совершенно разных по смыслу, а нередко и по структуре. В формировании общего логического смысла трансформов-контаминатов порой участвуют семантически несовместимые элементы исходных выражений (Федорова 2007: 52),

Исследовательница притом подчёркивает, что из такого рода трансформированных структур нельзя вывести общее значение и они будут служить прежде всего достижению результата языкового комизма.

Следует заметить, что в процессе трансформации используются самые популярные и известные пословицы. Причиной этого является факт, что трансформированные структуры должны быть понятными и правильно отнесёнными к подлинникам. В противном случае результат языкового комизма достигнут не будет, потому что „эффект смеха” получается только путём наложения друг на друга двух образов.

Исследуя структуру паремиологических контаминатов, Наталия Н. Фёдорова, выделяет две главные модели, которые состоят из:

1. первой части одной пословицы и второй части другой.
2. первых частей обеих пословиц (см.: Федорова 2007: 53).

Фёдорова утверждает притом, что второй тип является причиной образования паремий с новым обобщающим смыслом в то время как с помощью первого типа возникают формации с переносным употреблением отдельных элементов (см.: там же).

В настоящем материале анализу подвергаются контаминаты с разными элементами, т. е., не только конструкции пословица + пословица, но также пословица + фразеологизм или пословица + крылатое слово. Исследовательский материал почерпнут из публикации Гарри Вальтера и Валерия Михайловича Мокиенко *Антипословицы русского народа* (Москва 2008), поскольку именно этот словарь представляет собой самое обширное собрание всякого рода паремиологических и фразеологических трансформаций – в том числе и контаминатов.

Следует однако подчеркнуть, что хотя фразематика (фразеология адресанта) позволяет относить к одной общей группе фразем как пословицы, поговорки, крылатые слова, так и фразеологизмы, для которых общей является черта воспроизводимости в текстах, то в настоящем выступлении каждая из этих

единиц в техническом смысле будет рассматриваться отдельно. Такой подход оправдан заботой о точном и полном анализе контаминированных фразематических единиц языка с точки зрения их конструкции.

Имея в виду как наиболее точное представление структуры контаминаций в сфере паремиологии и фразеологии, среди анализируемого в настоящем выступлении материала находятся контаминированные сочетания следующих языковых единиц:

- пословица + пословица,
- пословица + фразеологизм,
- пословица + крылатое выражение,
- крылатое выражение + пословица,
- пословица + поговорка.

Смотрите, пожалуйста, раздаточные материалы!

1. Пословица + Пословица

Баба с возу – [и] волки сыты/И баба с возу, и волки сыты (MW, 32) ← *Баба с возу - кобыле легче + И волки сыты, и овцы целы,*

Баба с возу – вылетит не поймаешь (WM, 32) ← *Баба с возу - кобыле легче + Слово не воробей: вылетит – не поймаешь,*

Без труда не вырубшь и рыбку топором (WM, 36) ← *Без труда не вынешь и рыбку из пруда + Что написано пером, того не вырубшь и топором,*

Без труда полюбишь и козла, коли рожка крива (WM, 36) ← *Без труда не вынешь и рыбку из пруда + Любовь зла – полюбишь и козла + Неча на зеркало пенять коли рожка крива,*

Чем дальше в лес, тем третий лишний (WM, 117) ← *Чем дальше в лес, тем больше дров + Где двое, там третий лишний (из английского языка: Two is company, but three is none)*

2. Пословица + Фразеологизм

Кто раньше встаёт, тот льёт как из ведра (WM, 43) ← *Кто рано встаёт, тому Бог даёт + frazeologizm лить как из ведра,*

Сколько верёвочке ни виться, но концы приходится прятать в воду (WM, 59) ← *Сколько верёвочке не виться, а конец будет + прятать концы в воду,*

Сколько волка не корми – ни пуха, ни пера (WM, 73) ← *Сколько волка не корми, , [а] он [всё равно] в лес смотрит (глядит) + Ни пуха, ни пера!*

Сколько волку палец в рот не клади, он всё равно его откусит (WM, 73) ← *Сколько волка не корми, [а] он [всё равно] в лес смотрит (глядит) + Палец в рот не клади кому,*

3. Пословица + Крылатое выражение

Баба с возу – ничто человеческое нам не чуждо (WM, 32) ← *Баба с возу - кобыле легче + крылатое выражение Ничто человеческое нам не чуждо,*

Дарёному коню на переправе зубы не меняют (WM, 224) ← *Дарёному коню в зубы не смотрят + Коней на переправе не меняют,*

На безрыбье и слона из мухи сделаешь (WM, 38) ← *На безрыбье и рак рыба + Из мухи делать слона,*

Что с воза упало, то держи карман шире (WM, 70) ← *Что с воза упало, то пропало + Держи карман (шире) – крылатое выражение – шуточный ответ к чрезмерным требованиям.*

4. Крылатое выражение + Пословица

Восток – дело тонкое, а где тонко, там и рвётся (WM, 76) ← *Восток – дело тонкое (из фильма „Белое солнце пустыни”) + Где тонко, там и рвётся,*

Каждому своё: миру – мир, голому – рубашка (WM, 206) ← *Каждому своё + Миру – мир + С миру по нитке – голому рубашка, (2 крылатых слова и одна пословица),*

5. Пословица + Поговорка

Баба с возу – два сапога пара (WM, 32) ← *Баба с возу - кобыле легче + поговорка Два сапога – пара,*

На чужой каравай семеро одного не ждут (WM, 433) ← *На чужой каравай рта не разевай + Семеро одного не ждут,*

На чужой каравай где сядешь, там и слезешь! (WM, 212) ← *На чужой каравай рот не разевай + Где сядешь, там и слезешь,*

Одна голова хорошо, а два сапога лучше (WM, 105) ← *Одна голова хорошо, а две лучше + Два сапога – пара.*

Самое почётное место среди характеризованных контаминатов образуют сочетания пословица + пословица. Аналогично контаминационным моделям, представленным Владимиром Санниковым² в монографии «Русский язык в зеркале языковой игры», также в сфере паремиологии и фразеоглогии можно

² См. В. В. Санников, *Русский язык в зеркале языковой игры*, Москва 1999, с. 164.

выделить конструкции типа – **смотрите, пожалуйста, пункт 6 раздаточных материалов.:**

$A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(=ac)$, когда контаминаты образуют первые части пословиц, например: *Баба с возу – [и] волки сыты/И баба с возу, и волки сыты, Сделал (кончил) дело – бабу с воза,*

а также конструкции по образцу:

$A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(=ad)$, когда контаминат возникает путём сочетания первой части одной пословицы и второй части другой, например: *Сделал дело – кобыле легче, Тише едешь – кобыле легче, Баба с возу – потехе час.*

Наблюдаются тоже сочетания вторых частей обеих пословиц, для которых можно создать новую модель $A(=ab) + B(=cd) \rightarrow C(=bd)$, например:

Береги честь смолоду – полюбишь и козла; Береги честь смолоду, коли рожка крива.

Что касается последней модели, некоторые лингвисты утверждают, что подобные конструкции в русском языке на их (пословиц – К. Д.) материале совсем не наблюдаются (Mustakallio 2008: 30).

В самом деле, количество таких контаминатов кажется ограниченным, однако вывод об их абсолютном отсутствии в языке не является обоснованным.

Среди паремиологических и фразеологических контаминаций наблюдаются и структуры, которые состоят больше чем из двух элементов, например:

Без труда полюбишь и козла, коли рожка крива ← *Без труда не вынешь и рыбку из пруда + Любовь зла – полюбишь и козла + Нельзя на зеркало пенять коли рожка крива; Слово не воробей: упадёт с воза – не вырубишь и топором ← *Слово не воробей: вылетит – не поймает + Что с возу упало, то пропало + Что написано пером, того не вырубишь и топором.**

Встречаются также примеры, где одним из элементов является не часть, а целая пословица, например:

Не за то волка бьют, что сер, а за то, что за одного двух небитых дают ← *Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел + За одного битого двух небитых дают* (см. вторую часть).

Явление контаминации может и выступить только среди одних поговорок, например: **Собака – друг человека, два сапога пара** (WM, 120) ← *Собака – друг человека + Два сапога пара,*

или крылатых выражений, например:

Как много девушек хороших, а я люблю женатого (WM, 122) ← *Как много девушек хороших + Парней так много холостых, а я люблю женатого.*

Остальные контаминаты в сфере фразеологии образуют конструкции – **смотрите, пожалуйста, пункт 7**

Крылатое выражение + фразеологизм

Аладину всё до лампочки (WM, 28) ← *лампа Аладина + до лампочки кому что,*

Любви все возрасты по барабану (WM, 249) ← *Любви все возрасты покорны* (А. Пушкин, „Евгений Онегин”) + *быть по барабану кому* (быть всё равно),

а также:

Поговорка + крылатое выражение

Собака – друг человека, если друг оказался вдруг (WM, 144) ← *Собака – друг человека* + фрагмент *Песни о друге* Владимира Высоцкого: *Если друг оказался вдруг, И не друг, и не враг, а так, Если сразу не разберешь, Плох он или хорош,- Парня в горы тяни, рискни, ...,*

Щи да каша – сладкая парочка (WM, 213) ← *Щи да каша – пища наша + сладкая парочка.*

Что касается сочетаний пословица + пословица, стоит ещё подчеркнуть, что такие контаминаты не свидетельствуют об отрицательном отношении современного носителя языка к классическим паремиям. Чтоб образовать удачный контаминат всё таки надо хорошо знать пословицы русского народа и разбираться в их значении. Поэтому справедливым можно считать замечание Кристины Ратайчик, что такие контаминированные структуры

вытекают не из языкового невежества, а напротив – являются результатом хорошего знания фразеологии данного языка и умения использовать ее в стилистических целях (Ратайчик 2006).

Стоит также заметить, что трансформированные паремии сохраняют некоторые черты традиционных, например образность, сжатость, ритмичность и способность давать оценку. Они не обладают нормативностью и традиционностью, хотя некоторые из них могут остаться в системе языка и

становиться новыми языковыми единицами. Для этого однако они должны выполнить три основных условия:

- образоваться на базе самых известных и популярных классических паремий,

- относиться к событиям и объектам внеязыковой действительности, которые записываются в памяти носителей языка на долгое время,

- многократно употребляться - например в средствах массовой информации и оттуда проникать в повседневный язык.

К сожалению, рамки этого выступления не позволили обсудить все аспекты исследований контаминатов в области фразематики.